

ГРОССМЕЙСТЕРЫ
ТАЙНОЙ ВОЙНЫ

ФЕЛИКС ДЗЕРЖИНСКИЙ

ВСЯ
ПРАВДА
О ПЕРВОМ
ЧЕКИСТЕ

СЕРГЕЙ КРЕДОВ

Гроссмейстеры тайной войны

Сергей Кредов

**Феликс Дзержинский. Вся
правда о первом чекисте**

«Алисторус»

2016

УДК 929(47+57)
ББК 63.3(2)6-8

Кредов С. А.

Феликс Дзержинский. Вся правда о первом чекисте /
С. А. Кредов — «Алисторус», 2016 — (Гроссмейстеры тайной
войны)

ISBN 978-5-906817-89-1

В августе 1991 года на Лубянке демонтировали памятник Феликсу Дзержинскому. Это событие ознаменовало завершение советской эпохи... Суровый человек в шинели в переломное время оказался живее всех живых – по нему был нанесен первый идеологический удар. Имена учинивших расправу над Гулливером лилипутов либо оставили по себе недобрую память, либо ушли в небытие, чего не скажешь о Феликсе Дзержинском! Этот человек оставил глубокий след в истории, выступая в разных качествах: мужественный революционер-романтик, прошедший долгие годы в заключении, создатель главной спецслужбы страны, «первый чекист», участвовавший в разработке и проведении сложных операций разведки и контрразведки. Кроме того, Феликс Эдмундович боролся с беспризорностью, восстанавливал транспорт, наконец, руководил всей промышленностью страны. Автор книги Сергей Кредов, опираясь на материалы и сведения, накопленные за истекшие сто лет, исчерпывающе отвечает на вопросы: кем был Феликс Эдмундович Дзержинский и что он сделал как «первый чекист» и на других государственных постах?

УДК 929(47+57)
ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-906817-89-1

© Кредов С. А., 2016

© Алисторус, 2016

Содержание

I. Неисправимый	7
Портрет без сходства	7
Счастливый?	9
Гимназические страдания	12
Рождение революционера	14
Утраты	17
Расплата за идеалы	18
Неисправимый	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сергей Кредов
Феликс Дзержинский. Вся
правда о первом чекисте

© Кредов С.А.

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

I. Неисправимый

Портрет без сходства

7 декабря 1917 года Феликс Дзержинский, только что получивший важное назначение, стал одним из главных действующих лиц русской революции. Вскоре о нем узнает весь мир.

А днем раньше состоялся разговор, который его участник, первый управляющий делами Совета народных комиссаров Владимир Бонч-Бруевич, описал так...

Бонч докладывал председателю Совнаркома Ленину о положении в Петрограде. Из сообщения вытекало, что враги большевиков не собираются складывать оружие. Вождь Октября взволнованно поднялся из-за стола, прошелся по кабинету. И воскликнул:

– Неужели у нас не найдется своего Фуке-Тенвиля, чтобы обуздать контрреволюцию?!

Такой человек в партии нашелся. Ему поручили создать орган по борьбе с контрреволюцией, знаменитую впоследствии Всероссийскую чрезвычайную комиссию.

«Красный Фуке-Тенвиль явился!» – торжественно заявил Бонч-Бруевич.

«Красный Фуке-Тенвиль явился!» – охотно подхватил первый белогвардейский биограф председателя ВЧК Роман Гуль, вложив в них свой смысл: Дзержинского назначили организатором массового кровавого террора. А как еще можно понять восклицание Ленина?

Предложить яркое сравнение с известным персонажем – значит дать почти готовый портрет героя. Такова сила исторических ассоциаций. Имя произнесено: Фуке-Тенвиль... В книгах и статьях о Феликсе Дзержинском оно будет встречаться очень часто.

Вот только произносил ли Ленин слова, которые привел в своих воспоминаниях Бонч-Бруевич?

Что известно об упомянутом деятеле Французской революции?

Антуан Кантен Фуке де Тенвиль в 1793–1794 годах являлся общественным обвинителем (фактическим руководителем) парижского революционного трибунала. Он отправлял на гильотину «врагов народа». Милосердие не было ему ведомо. Чтобы хоть как-то ограничить его рвение, Конвент принял решение не казнить в день больше 60 человек. Де Тенвиль иступленно трудился в своей должности 14 месяцев. Он предлагал для устрашения обвиняемых в зале судилища поставить гильотину, но даже якобинцам эта мера показалась чрезмерной. Революционный фанатик? Скорее – чиновник террора, бездушное приложение к изобретению доктора Гильотена. И, по-видимому, большой прохвост. До 1789 года будущий поборник свободы, равенства и братства вел вполне буржуазную жизнь. Должность прокурора он себе купил, как тогда было принято. Очень не вовремя для себя, перед революцией, сочинил и опубликовал хвалебную оду в честь Людовика XVI, где высказывал к нему любовь, «равную его благодеяниям». Это не помешало ему впоследствии добиться казни вдовы и сестры короля. Обвинитель трибунала, отправлявший на плаху врагов Робеспьера, в конце концов проводил на смерть и самого Робеспьера, но спастись не сумел.

Даже поверхностное знакомство с биографиями Фуке-Тенвиля и Феликса Дзержинского убеждает нас, что речь идет о разных людях.

И обратим внимание: Фуке-Тенвиль пытался бежать с тонущего якобинского корабля. Он оказался еще и предателем. А Ленин досконально знал историю Французской революции... Можно предположить, что вождь, заслушав доклад Бонча, воскликнул: «Неужели у нас не найдется пролетарского якобинца?». Такие слова от него действительно не раз слышали. «Якобинец» – человек решительный, но не обязательно кровожадный. Вольность мемуариста (он описывал сцену в ленинском кабинете десять лет спустя) привела к определенному искажению исторического фона.

Вернемся в дни, когда в красном Петрограде создавалась Всероссийская чрезвычайная комиссия. В ее задачи входила борьба с «контрреволюцией», вот только с какой? Со «скрытой», как тогда выражались: саботажем чиновничества (сложным явлением, которое сейчас не время расшифровывать), винными погромами, уголовщиной, закрытием предприятий собственниками, продовольственным кризисом. Явная контрреволюция в декабре 1917-го не казалась столь же опасной. ВЧК при ее создании наделили правом назначать только административные меры наказания, такие как конфискация, выдворение, лишение продуктовых карточек, опубликование списков врагов народа в печати. На практике даже злостных контрреволюционеров поначалу отпускали, взяв слово не воевать с новой властью.

Не только в момент назначения, но и значительно позже Дзержинский не считал, что его роль в ВЧК – проводить массовый террор. В марте следующего года он выпустил служебную инструкцию, больше напоминающую проповедь ненасилия:

«Вторжение вооруженных людей на частную квартиру и лишение свободы повинных людей есть зло, к которому в настоящее время еще необходимо прибегать. Но всегда нужно помнить, что это зло. Пусть все те, кому поручено лишать людей свободы, будут с ними гораздо вежливее, чем даже с близким человеком, помня, что лишенный свободы не может защищаться и что он в нашей власти».

Конечно, так будет не всегда. Времена изменятся.

Пока же отметим: Феликса Дзержинского в декабре 1917-го приглашали не на роль «красного Фукье-Тенвиля». Тогда еще верили, что без гильотин можно обойтись.

Счастливым?

Дзержинские – все – умели хранить семейные тайны. Одна из них связана с судьбой любимой сестры маленького Феликса, Ванды. Известно, что девочка погибла. Обстоятельства этого происшествия родственники постарались вычеркнуть из памяти. Даже намек на случившееся нет в их переписке. Этот факт впоследствии вызовет разные толкования.

...Родовое поместье Дзержинских расположено на территории нынешней Белоруссии возле городского поселка Ивенец, примерно в пятидесяти километрах к западу от Минска, на землях, входивших до начала XX века в состав Виленской губернии Российской империи.

В историю Феликс Дзержинский вошел деятелем русской революции польского происхождения. Он считал себя поляком. Оспаривать тут нечего.

Но все же отметим особенность тех мест, где жили поколения Дзержинских. Это своеобразный «перекресток» трех государств: Польши, Белоруссии и Литвы. Коренных жителей не всегда относят к этническим полякам. Часто это вопрос самоопределения и того, какой народ в данный исторический момент готов признать их «своими». Уникальный случай имел место в советское время. Под Вильно родились братья Ивановские. Все они стали известными революционерами, но в разных странах. В Белоруссии почитали «белоруса» Ивановского, в Польше – «поляка» с той же фамилией, а в Литве – «литовца» Иванускаса.

Происходили Дзержинские из литвинских шляхтичей. Их далекий предок Николай Дзержинский в 1554–1561 годах в рядах польского войска участвовал в войне с русскими. За ратные заслуги он получил чин ротмистра и возможность в 1663 году приобрести имение с десятью крестьянскими дворами – будущее Держиново. К моменту рождения Феликса его семья владела земельным наделом площадью около 100 гектаров, в основном не пригодным для земледелия. Лишь десятая его часть могла быть отдана под пашню и приносить скромный доход.

Мужчины в роду Дзержинских часто становились педагогами, учеными (среди потомков Феликса Эдмундовича также немало людей науки).

В России начиная с середины XIX века работало много выходцев из Польши. В центральных городах империи они не испытывали притеснений – были бы лояльны. Образованные русские относились к ним, как правило, очень сочувственно, считая их жертвами самодержавия. Однако патриотами России поляки не становились. Возвращаясь домой, они продолжали мечтать о свободной Польше и воспитывали в том же духе своих детей.

Дед Феликса по матери – Игнатий Янушевский – долгое время был профессором Петербургского железнодорожного института. (Мог ли профессор Янушевский предполагать, что его внук станет со временем «министром» путей сообщения, правда, уже иной страны?!)

Эдмунд Иосифович и Елена Игнатьевна Дзержинские также долго жили в России. Отец Феликса (при крещении он получил имя Эдмунд Руфин) окончил Санкт-Петербургский университет. В 1865 году он переехал вместе с семьей в Таганрог, где преподавал математику и физику в мужской и женской гимназиях. Среди его учеников был Антон Чехов! Вот, пожалуй, и все, что можно узнать об обстоятельствах жизни Дзержинских на юге России.

В 1875 году глава семьи заболевает туберкулезом. Дзержинские возвращаются в родное имение. Отныне они живут трудно, фактически на пенсию пана Эдмунда. Сущие крохи приносит им сдача в аренду земли. А семья все растет – восьмого ребенка, мальчика, родила пани Хелена за год и три месяца до смерти своего мужа. Они ютятся в маленьком домике на берегу реки Усы. В 1880 году Эдмунд Дзержинский сумел построить более просторный дом. Именно это сооружение видно на сохранившихся фотографиях того времени. По снимкам оно и восстанавливалось, и теперь служит музеем: имение выгорело дотла в 1944 году.

Пан Эдмунд снискал среди земляков репутацию человека справедливого и бескорыстного. Его дочь Ядвига вспоминала: «Отец, подготавливая нас в гимназию, вместе с нами бес-

платно учил детей арендатора и детей из соседней деревни». Однако местным крестьянам запрещалось собирать грибы в дворянских угодьях. Дзержинский позднее с осуждением отмечал этот факт.

Феликс Дзержинский родился 11 сентября (по новому стилю) 1877 года. Отметим удивительное совпадение, которому при желании можно придать мистический смысл. Через много лет дата «9.11» станет символом катастрофы могущественной империалистической державы. День рождения Дзержинского, одного из наиболее известных в России и мире «могильщиков капитализма», – тоже «9.11».

До потрясений в Российской империи пока далеко.

Феликс – шестой ребенок в семье. Его появлению на свет предшествовал несчастный случай: беременная пани Хелена упала в открытый погреб. Тем же вечером у нее начались родовые схватки. Мальчик родился здоровым. При крещении, согласно католической традиции, ему дали два имени: Феликс Щасны, оба означают «счастливый» соответственно по-латински и по-польски.

Феликс растет резвым ребенком. В возрасте лет семи, желая не отставать от старших братьев, гоняет верхом на неоседланных лошадях, стараясь не попасться на глаза матери. Дети гурьбой ходят в лес за грибами и ягодами. Летом мальчик подолгу пропадает у реки. Он возвращается оттуда с большим уловом раков. К ужину вареных раков подают на стол. Феликс сияет от гордости. Альдона Эдмундовна отметит в своих воспоминаниях, что ее младший брат никогда не совершал жестоких или грубых поступков.

Дзержинские – бедная дворянская семья. Они живут на отшибе, в лесу. До ближайшего села – четыре километра, до железнодорожной станции – 50 километров. Сотни подобных бедных усадеб прячутся в лесах. Образ жизни накладывает отпечаток на характеры их обитателей. К их национальным чертам относят мужество, гордость, терпение, умение за себя постоять, но и – упрямство, пресловутый «гонор», беспощадность по отношению к врагам. Первые в жизни сведения они получают из преданий, передаваемых из поколения в поколение. Что есть зло? Несправедливость? Незаживающие раны поляков связаны с событиями начала 1860-х годов, преследованиями униатов, жестокостями усмирителя восстаний графа Муравьева (в самой России прозванного «вешателем»).

В 1922 году Дзержинский бросит фразу, которую его недоброжелатели хорошо запомнят: «Еще мальчиком я мечтал о шапке-невидимке и уничтожении всех москалей». Ага! Вот какое чувство вело его по жизни: месть! Не стоит из случайных замечаний делать широкие обобщения. Думается, москали тогда для мальчика были кем-то вроде инопланетян. «Анти-москальство» Феликс в себе, по-видимому, быстро изжил. Он станет интернационалистом и даже противником отделения Польши от России. Но в таких домашних разговорах крепло в нем желание бороться с несправедливостью.

На сохранившихся семейных фотографиях Дзержинские серьезные, озабочены, напряжены. Люди целеустремленные, гордые, дружные. Наверное, в их доме редко раздавался беззаботный смех. Дворянство покоренной страны. А Феликс – еще и нервный, задиристый, лезет на рожон. Его братья и сестры остались далеки от революции, их свободолюбие, способности проявились в другом.

Казимир Эдмундович (1875–1943) выучился на инженера в Германии, откуда вернулся с женой Люцией; в 1930-х они поселились в Держинове. Во время гитлеровской оккупации Люция работала в немецкой комендатуре переводчицей, сотрудничала с польскими партизанами. Ее разоблачили и вместе с Казимиром расстреляли.

Владислав (1881–1942) окончил МГУ, стал известным неврологом, профессором. Война застала его в Лодзи. Арестован немцами в качестве заложника (по некоторым данным, после того как отказался с ними сотрудничать), расстрелян.

Станислав (1872–1917) убит бандитами в Держинове.

Альдона (1870–1966), любимая сестра Феликса и главный адресат его исповедальных писем, жила в Литве, затем в Польше.

Относительно безмятежно сложилась судьба Игнатия (1879–1956): окончив физико-математический факультет МГУ в 1903 году, он преподавал географию в Варшаве, затем переехал в польскую провинцию, что спасло его от гитлеровцев.

Из всех братьев и сестер Феликса Дзержинского только Ядвига (1871–1949) находилась рядом с ним в Москве; она работала в наркомате путей сообщения, похоронена на Новодевичьем кладбище.

В 1882 году в возрасте 42 лет от туберкулеза умирает Эдмунд Иосифович. У Елены Игнатьевны восемь детей на руках, от 12 лет и младше. Она со своим семейством вынуждена переехать в Иоды – родовое имение Янушевских под Вильно, к матери. Многие сохранившиеся фотографии Дзержинских сделаны именно в Иодах. Мать с тремя сыновьями-гимназистами на крыльце. Также на крыльце – все большое семейство Дзержинских. Летние месяцы пани Хелена с детьми проводила в родовом гнезде. С ним у Феликса связано представление о безмятежном счастье. Он так утверждал.

Не во всем можно ему верить.

Дзержинский напишет сестре Альдоне из заключения: «Во сне я часто вижу дом наш, и сосны наши, и горки белого песку, и канавы, и всё, всё, до мельчайших подробностей...» Ему слышались кваканье лягушек и клекот аистов, «прекрасная музыка природы по вечерам».

Замурованный в застенке, физически страдающий, тяжело больной человек... Воспоминания уносят его в счастливую пору детства. Он уверяет, что мечтает побывать в Дзержинове. Но, освобождаясь из мест заключения, вовсе сюда не стремится! После 1892 года Феликс не появлялся в имении вплоть до июля 1917-го. Словно что-то мешало ему туда возвращаться.

У пана Эдмунда и пани Хелены было восемь детей. Больше или меньше известно о судьбах семи из них. И почти ничего – о любимой сестре маленького Феликса, Ванде, 1876 года рождения. Брат и сестра были неразлучны. Девочка ходила за Феликсом хвостом и во всем его слушалась, пишет Альдона. И вдруг... Любые упоминания о Ванде в переписке родственников пропадают. И фотографий ее не сохранилось.

Девочка, скорее всего, трагически погибла. В каком году – неизвестно. Едва ли позже 1892-го.

Экзотическую версию смерти Ванды излагает белогвардейский контрразведчик Владимир Орлов в мемуарах, изданных впервые в Лондоне в 1932 году. К сожалению, источник не очень достоверный. Орлов в книге допустил немало очевидных ошибок. В данном случае он сообщает о Дзержинском: «Когда ему исполнилось восемнадцать лет, он так страстно влюбился в свою сестру, что застрелил ее после ужасной сцены ревности».

Так – точно не было. Хотя Орлов до революции работал следователем контрразведки в Польше и что-то подобное мог слышать в своем кругу. В некоторых источниках можно прочитать, что невольным убийцей Ванды стал кто-то из ее братьев, вероятнее всего Станислав (но и с Феликса подозрение не снято). Юноши якобы стреляли из дробовика по мишени, а девочка случайно оказалась на линии огня. Но – ни единого указания, откуда взяты эти сведения. Следствия по случаю смерти Ванды не проводилось. Истина едва ли когда-нибудь вскрыется.

Гибель любимой сестры не могла не потрясти юного Феликса, в то время ревностного католика. Погибло невинное любимое существо. Как мог Бог, если он существует, допустить такую несправедливость? Подобные рассуждения в духе Ивана Карамазова зачастую приводят людей с сильным религиозным чувством к разочарованию в Боге небесном и поиску более справедливых земных богов.

Гимназические страдания

В возрасте семи лет, уже умея читать и писать по-польски, Феликс принимается осваивать русский язык. Сестра Альдона готовит его к поступлению в гимназию. У него хорошая память, способности к математике – это от отца. С русским намного хуже. Язык метрополии в Королевстве Польском – официальный. Во многих учреждениях висят таблички: «Говорить по-польски строго воспрещается».

Осенью 1887-го Альдона везет брата в Вильно. Он успешно сдает вступительные экзамены в первую Виленскую гимназию. Отныне Феликс живет в губернском городе: сначала на квартире с матерью, а затем в частном пансионе при учебном заведении.

В первом классе Феликс остается на второй год. Подвел, конечно, русский язык. Но не следует на этом основании записывать юного Дзержинского в митрофанушки. Дореволюционная классическая гимназия – особенное заведение. Ее выпускники имели право без экзаменов продолжить обучение в любом российском университете. Считалось вполне нормальным, если треть или четверть класса останется на второй год. Русский язык относился к числу наиболее трудных дисциплин. Оцените требования: ученик четвертого класса должен был знать наизусть больше ста стихотворений и басен.

Дальше дела пошли несколько лучше. Так, в ведомости по окончании 5-го класса видим отличную оценку по Закону Божьему, остальные – «хорошо» и «удовлетворительно». По выходе из гимназии Дзержинский получил свидетельство со следующей записью: «Дзержинский Феликс, имеющий от роду 18 лет, сын дворянина, в вероисповедании римско-католическом... в бытность свою по VIII класс Виленской гимназии поведения был отличного и оказал при удовлетворительном внимании, удовлетворительных успехах, удовлетворительном прилежании следующие успехи в науке...» К тому времени Феликс уже определится со своим революционным будущим. Он уйдет из гимназии со скандалом, не получив аттестата. Отсюда и оценки: «хорошо» – только по Закону Божьему, «неудовлетворительно» – по русскому и греческому языкам.

О дореволюционной системе классического образования в наши дни отзываются с пие-тетом. Современники же подвергали ее суровому суду. Чехов в рассказе «Человек в футляре» сравнивает гимназию с управой благочиния, где «кислятиной воняет, как в полицейской будке». Или взять, предположим, Вячеслава Менжинского, считавшегося в среде большевиков интеллектуалом. Полиглот, говоривший на 19 иностранных языках, Менжинский, по его словам, вскакивал по ночам от ужаса, когда ему снилась родная Санкт-Петербургская гимназия.

...Жизнь в российской классической гимназии подчиняется строжайшим регламента-циям. Посещение занятий – только в форменной одежде. При встрече на улице с высшими городскими чиновниками гимназист обязан снять фуражку и раскланяться. В книгах учета фиксируются опоздания на уроки, неуместные вопросы к преподавателям, разговоры во время занятий. Классные наставники, инспектор и директор систематически посещают квартиры уче-ников, расспрашивают соседей об их поведении. Возвращаясь с каникул, каждый воспитанник обязан сдать в канцелярию отпускной билет с отметками полиции о поведении и справку свя-щенника о выполнении религиозных обрядов.

А зачем вбивать в юные головы мертвые языки? Бесконечные письменные переводы с латыни, греческого отнимают у гимназистов уйму времени. Долбежка, зубрежка – с шести утра до девяти вечера. На такую нагрузку был рассчитан учебный процесс в гимназии, начиная с третьего класса. Молодежь просто хотят занять, отвлечь от свободолюбивых мыслей – в таком стремлении подозревает правительство демократическая общественность.

Не случайно же не было такого понятия: гимназическое братство, в отличие от братства лицеистов. Друг друга ненавидели: Дзержинский и Пилсудский, Ульянов-Ленин и Керенский. Хотя были одноклассниками, первые – по Виленской гимназии, вторые – по Симбирской.

Если в самой России классическую гимназию называют «полицейской будкой», то как могут относиться к ней в национальных окраинах? Там она – элемент национального подавления.

Юный Дзержинский в повседневном поведении не похож на бунтаря. Начальник Польши Юзеф Пилсудский запомнил его таким: «Выделялся он среди учеников деликатностью и скромностью. Достаточно высокого роста, щуплый, оставлял впечатление аскета, лицо, как с иконы». Иное дело, когда Феликс чувствует себя униженным, оскорбленным. Тут он мгновенно закипает. Директор Виленской гимназии издал распоряжение, обязывающее учеников изъясняться только на русском языке. Увидев это объявление, возмущенный Дзержинский врывается в учительскую, где за столом собрались педагоги, и выплескивает свое негодование, обращаясь прежде всего к преподавателю русского языка по фамилии Рак, особенно ненавидимому гимназистами. Альдона Эдмундовна пишет: «Это выступление Феликса застало педагогов врасплох. Они были так ошеломлены, что не успели принять никаких мер. Дома Феликс весело рассказывал обо всем этом, чувствуя большое удовлетворение от выполненного долга».

Но лучше бы он сдержался. Благоразумнее для него было уйти из гимназии тихо. От демарша Феликса впоследствии пострадают его братья.

Дзержинский покинул бы ненавистное учебное заведение раньше, но не хотел огорчать мать. Пани Хелена тяжело болела. В Вильно переехала ее мать Казимира Янушевская, она забрала к себе на жительство внуков из опостылевшего им частного пансиона. 14 января 1896 года в варшавской клинике в возрасте 46 лет Елена Игнатьевна умерла. Нежный сын Феликс тяжело переживал эту утрату. Он посчитал, что теперь никто и ничто не может помешать ему круто изменить жизнь. К тому времени он разуверился в католическом боге и обрел веру в учение, заменившее ему религию. Бабушка Янушевская не знала, что в ее доме № 26 на Поплавской улице на чердаке работает маленькая нелегальная типография, выпускающая революционные воззвания.

Свидетельство, выданное недоучившемуся гимназисту Дзержинскому, сохраняет за ним право позднее сдать экзамены на аттестат зрелости и поступить в университет.

В 1897 году, когда Феликса арестуют, директор Первой Виленской сделает все, чтобы Игнатий и Владислав Дзержинские оставили его заведение, несмотря на их хорошую успеваемость. Братья продолжают обучение в петербургской гимназии.

Рождение революционера

В 1894 году ученик седьмого класса гимназии Дзержинский начинает посещать марксистский кружок саморазвития. Уже через три года Феликсу выпадет тяжкое испытание: в полиции Ковно его подвергнут избиению березовыми палками. Во время экзекуции у юноши откроется горловое кровотечение, но он все выдержит, показаний на товарищей не даст. Поручик Глазков доложит начальству:

– Все попытки склонить арестованного к чистосердечному покаянию оказались безуспешными. Проводить с ним дальнейшую работу нецелесообразно.

Перед нами уже «железный Феликс».

Как приходят в революцию?

Для кого-то и выбора нет: «Моя революция – пошел в Смольный»...

У Феликса выбор был. Братья Дзержинские в равной мере страдали от бедности, муштры в гимназии, унижения национальных чувств. А революционером стал только он.

В письмах к сестре заключенный Дзержинский на разные лады будет убеждать ее, что свою жизнь, наполненную верой в светлое будущее человечества, как бы ни была она трудна, он ни за что не променяет на мещанское существование на воле. Вполне в духе Гриши Добросклонова, героя поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»:

...Лет пятнадцати
Григорий твердо знал уже,
Кому отдаст всю жизнь свою
И за кого умрет.

Феликс в возрасте 18 лет уже готов умереть за свои идеалы.

Некрасов дал нескольким поколениям русских революционеров высокое обоснование их целей, ошибок, жертв. В его знаменитой «призывной песне» слышится библейская притча об узких вратах.

Средь мира дольного
Для сердца вольного
Есть два пути.

Взвесь силу гордую,
Взвесь волю твердую:
Каким идти?

Одна просторная
Дорога – торная,
Страстей раба,

По ней громадная,
К соблазну жадная
Идет толпа.
...Другая – тесная
Дорога, честная,
По ней идут

Лишь души сильные,
Любвеобильные
На бой, на труд...

Молодые люди из привилегированных семей – дворяне, поповичи, купеческие дети – выбирают тесную, но «честную» дорогу борьбы с царем, правительством, дорогу тюрем, скитаний, подчас террора. Почему? Единого ответа нет. Бывало, что и два брата приходили в революцию очень несхожими путями. Ну, вот хотя бы братья Ульяновы.

Александр Ульянов (1866–1887), судя по известным фактам его биографии, – яркий пример революционера «от сердца». Александр пользовался любовью и уважением едва ли не всех, кто его знал. Он оканчивает симбирскую классическую гимназию с золотой медалью. В Петербурге перед ним открыта карьера ученого. На третьем курсе университета Александр получает золотую медаль за работы по зоологии. Сам Дмитрий Менделеев называет Ульянова перспективным химиком... Родители отпускали сына в столицу с тяжелым сердцем, очевидно, зная о перемене в образе его мыслей. Но что подвигло юношу избрать крайний путь, войти в нелегальную организацию, стать террористом?

Можно предположить: при жизни властного, религиозного отца это едва ли бы произошло. Но в январе 1886 года Илья Николаевич неожиданно умирает. Незадолго до того директора народных училищ, энтузиаста народного образования Ульянова стали выпроваживать на пенсию. Срок службы ему продлили только на год (вместо пяти, как он просил). Известие о скорой отставке он воспринял тяжело – инсульт на 55-м году жизни. Смерть Ильи Николаевича, несомненно, сильно повлияла на его сыновей. Через много лет Владимир Ульянов-Ленин укажет в партийной анкете, что он атеист с 16 лет, то есть как раз с 1886-го...

А 17 ноября того же года Александр в Петербурге участвует в манифестации, посвященной 25-летию со дня кончины кумира демократической молодежи, критика и публициста Николая Добролюбова. После разгона демонстрации казаками и полицией вместе с товарищами пишет и распространяет прокламацию «17 ноября в Петербурге». В декабре примыкает к террористическому крылу народолюбцев. И вот он участвует в подготовке убийства Александра III, намеченного на 1 марта 1887 года. Химику Ульянову поручено изготовить метательные снаряды. Членов боевой группы задерживают на улице в день покушения. Зная, что за ним следят, Александр тем не менее отвергает предложение товарищей скрыться из города. На следствии и суде он ведет себя мужественно и благородно, не отрицает своего участия деле, более того, старается взять чужую вину на себя. Приговоренный на суде к повешению, Ульянов подает просьбу о помиловании только по настоянию матери. Его прошение, составленное без ноток раскаяния, даже не показывают царю.

Чем-то схожи биографии революционеров от сердца. В юности они глубоко религиозны, самоотверженны, исполнены высоких представлений о чести, товариществе, долге. А дальше? Шок от столкновения с несправедливостью. Нередко фон – большое личное горе, связанное с утратой отца, матери, сестры или брата. И тут еще одна развилка, вновь – два пути. Одни приходят к подвигу мирного самоотречения, под влиянием народолюбческих идей оставляют крупные города и уезжают в глубинку лечить и учить крестьян. Другие – к политическому протесту, бунту, «топору». Таков путь многих революционеров и общественных деятелей в годы правления царя-реформатора Александра II. Некрасов, Добролюбов, Чернышевский, Тургенев, Салтыков-Щедрин – их кумиры. Их верным последователем предстает Александр Ульянов. У революционера от сердца всегда можно отыскать в судьбе точку слома, момент, описанный Некрасовым:

О, горько, горько я рыдал,

Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки,
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски!..

А вот почему пришел в революцию Владимир Ульянов, человек явно иного склада?..

Стал мстить династии Романовых за смерть брата, как нередко можно прочесть? Едва ли так просто. Мотива личной мести в письмах, высказываниях, во всей деятельности Ульянова-Ленина не заметно. О событиях, связанных с гибелью Александра, он вообще упоминал очень редко, при этом, как отмечала Крупская, делал акцент на том, как тяжело пришлось тогда его матери Марии Александровне. О своих же переживаниях – молчок. Владимир Ульянов умел сдерживать свои эмоции. Это проявилось в нем в ранней юности. Александра казнили 8 мая 1887 года. Как раз в те дни его младший брат готовился к выпускным экзаменам в гимназии. 12 мая он сдает письменный экзамен по алгебре и тригонометрии, 13 мая – письменный по греческому языку (самый трудный). С 22-го начинаются устные экзамены. 17-летний Владимир проявил редкое самообладание. Симбирскую классическую гимназию он окончил, как известно, лучшим из своего выпуска с единственной «четверкой» по логике и золотой медалью.

Казнь Александра, обвиненного в попытке цареубийства, конечно же, потрясла Ульяновых. Причинила им боль – это одно. Но также и сломала весь уклад их жизни. Семья директора народных училищ считалась одной из самых почтенных в губернском городе. И вдруг они – родственники цареубийцы. Изгои. Знакомые, встречая их на улице, переходят на другую сторону. Привыкший быть первым среди сверстников, чувствовать превосходство над ними, Владимир получает страшный удар по самолюбию. Перед экзаменом по математике одинокий, ушедший в себя, сутулясь и держа руки за спиной, он ходит по коридору взад и вперед, как вспоминает один из педагогов.

Крупская добавляет подробности: «Владимир Ильич рассказал мне однажды, как отнеслось „общество“ к аресту его старшего брата. Все знакомые отшатнулись от семьи Ульяновых, перестал бывать даже старичок-учитель, приходивший раньше постоянно играть по вечерам в шахматы. Тогда еще не было железной дороги из Симбирска, матери Владимира Ильича надо было ехать на лошадях до Сызрани, чтобы добраться до Питера, где сидел сын. Владимира Ильича послали искать попутчика – никто не захотел ехать с матерью арестованного. Эта всеобщая трусость произвела, по словам Владимира Ильича, на него тогда очень сильное впечатление».

Ульяновы не собирались уезжать из Симбирска. Но летом 1887-го им пришлось перебраться в Казань. Хорошая характеристика, выданная директором гимназии Федором Михайловичем Керенским, позволила брату казненного террориста поступить на юридический факультет университета. А уже в декабре в актовом зале казанские студенты, прекратив занятия, собрались на сходку с антиправительственными лозунгами. В числе первых в зал по коридору мчался Ульянов, «махая руками, как бы желая этим воодушевить других», сообщается в одном из донесений. Владимира исключили из университета. Начался отсчет его революционного стажа.

Владимир Ульянов – революционер «от ума». Нет свидетельств тому, чтобы он рыдал на берегу «реки рабства и тоски». Все очень продуманно, рационально: «Мы пойдем другим путем». Мир надо переделать. Именно такой протест – интеллектуальный, лишенный морализаторства, считающий абстрактные рассуждения о добре и зле признаком слабости, приведет в итоге революционеров к успеху, к захвату власти и удержанию ее в ходе страшной Гражданской войны...

Утраты

Феликс Дзержинский, если придерживаться предложенной выше схемы, – яркий пример революционера «от сердца».

Ребенком в беседах со старшими он получает обычный для маленького поляка набор знаний. Вечер, тусклый свет настольной лампы, за окнами шумит лес. Пани Хелена рассказывает своему сыну о жестокостях Муравьева-вешателя, подавлявшего мятеж в 1863 году. О том, что в костелах тогда молитвы заставляли петь по-русски. О непосильных контрибуциях, наложенных на население. Конечно же, она не желает своему сыну доли революционера, каторжанина. Но он воспринимает ее рассказы слишком остро. Дзержинский вспоминал:

– Каждое насилие, о котором я узнавал, было как бы насилием надо мной лично.

Попав в Виленскую гимназию, Феликс почти сразу принимается за поиски иного пути. Куда податься из «полицейского участка», чтобы не травмировать своим решением родственников, нежно любимую им мать? Он хочет поступить в духовную семинарию. Однако пани Хелена и другой их родственник, ксендз, всячески отговаривают Феликса от такого выбора. Не по характеру ему быть священником. Религиозность в юном Дзержинском сочетается с интересом к мирским вопросам и не сочетается со смирением.

Если в семинарию нельзя, то куда же?

Кризисным для Феликса становится 1894 год. Тяжело заболевает пани Хелена. Сын ездит в клинику в Варшаву ее навещать. По-видимому, он не так давно пережил шок в связи с гибелью сестры Ванды. Позднее Феликс почти не рассказывал о своих переживаниях в тот период. Мы знаем только с его слов, что до 16-летнего возраста он был «фанатично религиозен», а затем утратил веру в Бога. Но проповедником Феликс остался. Теперь он с прежним пылом пропагандирует свой атеизм, хотя еще не так давно говорил старшему брату: «Если я однажды узнаю, что Бога нет, я пушу себе пулю в лоб». Из последнего факта нередко делались далеко идущие выводы: Феликс Дзержинский с ранних лет – фанатик, одержимый мыслью обратить окружающих в свою веру, сначала в одну, потом в другую. Роман Гуль в изданной в Париже в 1935 году книге пишет:

«Оказывается, Феликс не только религиозен, но и фанатически повелителен и нетерпим. Из светло-зеленых глаз нежного юноши глядел узкий фанатик. И разрушение всего, что не есть то, во что верует Феликс Дзержинский, было всегда его единственной страстью...».

Отечественная школа психологизма. Найти ключ к характеру человека, объясняющий все его последующие поступки, желательно с самого раннего детства. И без особых сомнений в том, что факт, легший в основу обобщений, действительно имел место. Между тем об эпизодах из жизни Феликса Дзержинского, которые только что приведены, известно исключительно с его слов, сказанных в 1922 году. В них чувствуется ирония: дескать, вот каким максималистом был тот юноша. Несомненно то, что с молодых ногтей Феликс испытывал потребность в вере, которая бы заполняла все его существо. А разве истинная вера, особенно в молодости, не сочетается со стремлением обратить в нее окружающих? Дзержинский хочет жить по справедливости, в соответствии со своими убеждениями. Вот что можно сказать с уверенностью. О том, что он намеревался разрушать, а что созидать, говорить пока преждевременно.

Новым смыслом жизнь Феликса Дзержинского наполнилась в 1895 году.

Расплата за идеалы

Казалось бы, Феликс, оставив гимназию, должен прямой дорогой отправиться в лагерь националистов, борющихся за создание единой, независимой Польши. Ведь его национальная гордость столько раз подвергалась унижениям. А в раннем детстве, по его собственному признанию, он мечтал о шапке-невидимке, чтобы с ее помощью отомстить москалям.

Однако 17-летний Дзержинский делает выбор в пользу социал-демократии, раз и навсегда. Очень скоро он станет противником отделения Польши от России, а националиста Пилсудского (своего старшего современника, земляка и однокашника по Виленской гимназии) будет считать личным врагом.

Почему он примыкает к социал-демократам?

В Вильно в те годы другой революционной организации нет. Население в Виленской губернии составляют польские и еврейские ремесленники, литовское крестьянство. К лозунгу о самоопределении Польши здесь относятся с подозрением. Кроме того, национально-освободительное движение в Польше получит партийное оформление несколько позже. Это, так сказать, субъективная причина выбора Феликса. Думается, имелась и другая, не менее веская. Его натура нуждалась не просто в возвышенной цели, а в системе ценностей, в новой – светской – религии. Этим потребностям на рубеже веков наилучшим образом отвечал марксизм. Не случайно же учение приобрело так много последователей, и даже многие из тех, кто в нем впоследствии разочаровался, дошел до полного его неприятия, не отрицали, что пережили период увлечения им.

Был марксизм для высоколобых – в томах «Капитала», философских работах Маркса и Энгельса. Но очень важно, что учение поддавалось упрощению, его можно было разьяснять в рабочих кружках, растолковывать даже неграмотным. Основоположники марксизма оставили пророчества, и эти пророчества сбывались! Кризисы перепроизводства с их неизбежными социальными потрясениями... Смягчать их – только смягчать – научатся много позже. Первую мировую войну Энгельс предсказал за тридцать лет. И сроки примерно назвал, и главных действующих лиц указал. Марксизм многим тогда казался удавкой, неуклонно стягивающей шею капитализма.

Вакуум в душе Феликса заполнен. Выбор сделан. В 1895 году он вступает в литовскую социал-демократическую партию, получает первую свою партийную кличку. И конечно, не предполагает, сколько испытаний выпадет ему в ближайшие 22 года...

Молодой агитатор Яцек принимается вести кружки образования среди своих сверстников, ремесленных и фабричных учеников. Занятия его строятся так: начинает он с общеобразовательной части (устройство Вселенной, происхождение человека, общества и так далее), затем переходит к штудированию «Эрфуртской программы». Этот марксистский документ, принятый социал-демократами Германии в 1891 году, был тогда очень популярен. Он являлся и хорошим учебным пособием. Ленин тоже в целом с одобрением относился к программе немецких марксистов, хотя и критиковал ее, в частности, за отсутствие требования диктатуры пролетариата (читай: за излишнее миролюбие). И сегодня не много претензий можно предъявить Эрфуртской программе. Она состоит из двух частей.

В программе-максимум содержатся теоретические положения марксизма. Перед социал-демократами Германии ставится цель – завоевание политической власти. Но это вопрос будущего. В условиях же буржуазного общества (программа-минимум) выдвигаются такие цели: демократизация выборной системы, развитие самоуправления, равноправие женщин, решение вопросов о войне и мире народным представительством, бесплатное медицинское обслуживание, восьмичасовой рабочий день, запрет на использование труда детей в возрасте до 14 лет...

Что можно возразить? В чем фанатизм тех, кто разделял требования Эрфуртской программы?

Фанатизм в Феликсе проявляется в том, что, обретя веру, он считает ее руководством к действию. Характерный для него эпизод: чтобы вести пропаганду среди еврейского населения, он самостоятельно осваивает идиш (при том, что в гимназии ленился изучать «мертвые» языки, к которым тогда, по-видимому, относил и русский). Карл Радек отметит в воспоминаниях: «Мы смеялись позже, что в правлении польской социал-демократии, в которой был целый ряд евреев, читать по-еврейски умел только Дзержинский, польский дворянин и католик».

В своей семье после смерти матери Дзержинский чувствует себя некомфортно. Еще гимназистом, живя у бабушки, он на чердаке ее дома печатал листовки, воззвания к рабочим. Затем он перебирается к сестре. Но и в ее доме Феликс слишком обременительный жилец. Из воспоминаний сестры Альдоны: «К нему часто приходил известный социалист доктор Домашевич. Они забирались куда-нибудь в уголок и там тихо, чтобы я не слышала, вели свои беседы. Я знала, что Домашевич нелегальный, и я боялась, что его выследят и арестуют у меня на квартире: я воспитывала двух младших братьев. Они учились в той же гимназии, из которой добровольно ушел Феликс, оставив у дирекции недобрую память о себе. Вопрос об уходе из гимназии был им продуман и решен. Но, покидая гимназию, Феликс высказал педагогам прямо в лицо всю правду об их методах воспитания... После этого случая отношение в гимназии к двум нашим младшим братьям резко изменилось, учиться им было очень трудно. А через год директор заявил, что лучше будет, если они переедут в другой город, ибо аттестата зрелости в Виленской гимназии им все равно не получить. И хотя братья учились хорошо, они вынуждены были уехать кончать гимназию в Петербург».

В словах Альдоны чувствуются отголоски давних споров, возможно, конфликтов. Феликс подвел младших братьев. Мог бы уйти из гимназии тихо, без драматических эффектов.

Что же тут не понять? Иди, брат Феликс, дальше своей дорогой, какую выбрал, а нам надо позаботиться о младших. Возможно, польского патриота его близкие лучше бы понимали, но социалиста...

Зарабатывает Феликс частными уроками. Преподавание в кружках скоро ему надоедает. Его тянет на революционный простор. К массам. А где он может встретить «настоящих» пролетариев? Например, в кабачках возле предприятий. Сюда и наведывается молодой агитатор вместе со своим приятелем Андреем Гульбиновичем, слесарем и поэтом. О политике, царе разговаривать категорически запрещено, за такую пропаганду Яцека бы сразу отправили в полицию. Он заговаривает с рабочими об их экономическом положении, пытается нацелить их на борьбу за экономические права, благо в Эрфуртской программе все сформулировано четко. Опасность его подстерегает не только со стороны полиции. Однажды рабочие одного из заводов, науськанные хозяевами, подкараулили агитаторов. Дзержинский вспоминал: «Поэта меньше избили, так как он сразу свалился с ног, а я защищался». Феликс получил ножевые удары в голову, в том числе в правый висок. Зашивал раны доктор Домашевич.

Чтобы печатать прокламации на гектографе, не подвергая опасности близких, Феликс нанимает конспиративную квартиру, причем рядом с полицейским участком, уверяя товарища, что здесь-то как раз их искать не станут. Агитационные листки ночами сам же расклеивает по городу. Однажды рабочий-поэт увидел Яцека, перепачканного клеем. А если бы полицейский его встретил на улице? А вот – достает махорку из кармана. Как раз на этот случай. Бросил бы в глаза фараону и убежал. 19-летний юноша настроен очень решительно.

Гульбинович вспоминал о Дзержинском той поры: «Тонок и строен, как тополек, красивый, ладный. На него заглядывались наши девушки-швей, но, увы, без взаимности».

На его взаимность сможет рассчитывать только такая же убежденная революционерка, как и он. Это Феликс определил для себя уже тогда.

Гложет его, что жить ему недолго. Врачи нашли у него хронический бронхит и порок сердца. Лет семь, по его мнению. Наверное, подсчитал, что отец, заболев туберкулезом, прожил ровно семь лет. Обычную девушку Феликс сделает несчастной. А революционерка его примет таким, каков он есть, и будет готова ко всему.

В марте 1897 года партия направляет Дзержинского в промышленный город Ковно создавать социал-демократические ячейки. Он устраивается переплетчиком в мастерскую. Зарабатывает мало, голодает, но на встречах с рабочими «держит фасон». Бывает, приходит агитатор в дом к рабочему и чувствует запах блинов. Голова кружится, желудок сводит от голода. Но от приглашения к столу отказывается: «Спасибо, ел уже».

«Здесь пришлось войти в самую гущу фабричных масс и столкнуться с неслыханной нищетой и эксплуатацией, особенно женского труда. Тогда я на практике научился организовывать стачку» – это Дзержинский вспоминает о своем ковенском периоде.

В его квартире вновь заработал гектограф. Он затеял издавать газету «Ковенский рабочий» на польском языке. Правда, успел выпустить всего один номер. Все статьи написал сам. О чем же сообщалось в этом подпольном издании?

Например, о том, что царское правительство, напуганное стачками в Петербурге, пообещало с 16 апреля сократить рабочий день: на механических предприятиях – до 10½ часов, на ткацких – до 11½ часов и на остальных – до 12 часов. «Так вот, братья, и нам необходимо знать об этом... Если мы сами не будем добиваться своих прав, если сами не заставим фабриканта и заводчика выполнять этот закон, то он может остаться лишь на бумаге». Далее автор доказывает, что сокращение рабочего дня вовсе не означает падения производства. Ведь у тружеников появится больше свободного времени. «Что мы будем тогда делать? Пить водку? О, нет! Каждый из нас захочет тогда и почитать, чтобы стать умнее, и пойти в театр». У ткача, слесаря, кожевника возрастут потребности, соответственно, и расходы, поэтому он будет заинтересован больше зарабатывать. Надо его перевести на сдельбину. И всем будет к выгоде сокращение рабочего дня. Свои рассуждения Феликс завершает напоминанием:

«Заводы Рекоша, Шмидта, Тильманса и Петровского – механические, так запомним, что у нас рабочий день должен продолжаться лишь 10½ час., а на других предприятиях – 12 час. Будем за это бороться, если предприниматели не захотят выполнять этот закон!»

В некоторых других странах Дзержинский имел бы возможность заниматься тем же самым под своим настоящим именем и даже за зарплату. А свои статьи публиковал бы в легальной прессе...

Правда, в том же номере «Ковенского рабочего» он учит, как проводить стачки. Но ведь с требованиями – выполнять закон. Кто мешал царю Николаю предложить рабочим перспективу: положим, к 1900 году снизить продолжительность рабочего дня до 10 часов, а к 1905-му – до 9 часов и так далее? Кто мешал строго взыскивать с заводчиков за нарушения на производстве прав женщин и детей? Мог бы выбить почву из-под ног агитаторов. Глядишь, поцарствовал бы еще.

Но в России конца XIX века Феликс Дзержинский – революционер-нелегал и преступник. 17 июля 1897 года он принес в сквер возле собора в Ковно запрещенные книжки, чтобы передать их рабочему-подростку. И был арестован. Жандармы соблазнили мальчишку-провокатора десятью рублями.

На квартире у Феликса изъяли следующие доказательства его преступной деятельности: вырезки из газет с разъяснениями различных вопросов трудового законодательства; адрес-календарь с перечнем промышленных предприятий Северо-Западного края; список предприятий Ковно с указанием количества рабочих (чернилами дописано: фабрика гвоздей сапожных, инженерная мастерская... – очень основательно подходил к своим обязанностям молодой социал-демократ). А также – «Кавказский пленник» Льва Толстого на литовском языке, переписанный от руки отрывок из стихотворения «И взойдет за кровавою зарею солнце правды»,

рукописный словарь польско-литовских слов, вырезка из газеты с сообщением о стачке в Бельгии и выписка из другой газеты о том же, выписка о состоянии крестьянских хозяйств в России... Ничего более опасного для государства Российского.

Феликс Дзержинский уже не раз в этой книге назван революционером. А если разобратся, какой он пока революционер? Его уместнее причислить, например, к правозащитникам – защитникам прав бедноты. Этого молодого человека, пренебрегшего собственной карьерой, здоровьем, правительству следовало бы поддерживать, а не сажать. Он борется за выполнение законных прав рабочих. За то, чтобы рабочие трудились меньше, но лучше, а в свободное время имели возможность читать книги и ходить в театры. Его же отправляют в тюрьму, где избивают до полусмерти березовыми палками. После года предварительного заключения – в ссылку в Вятскую губернию, в городок с населением пять тысяч жителей, который близкие с трудом отыщут на карте. Там он чуть не лишится зрения, работая на махорочной фабрике. На фабрике он опять за свое. Его – еще дальше...

С ним обошлись исключительно жестоко.

Неисправимый

12 мая 1898 года царь Николай II утверждает приговор арестованному: выслать Дзержинского, приняв во внимание его несовершеннолетие, под надзор полиции в Вятскую губернию на три года (в царской России совершеннолетними считались лица, достигшие 21 года).

Некоторые биографы Дзержинского называют это наказание «относительно мягким». Но мы-то помним, за что его арестовали. В итоге...

Больше года предварительного заключения в Ковенской тюрьме. Избиения (несовершеннолетие не помеха). Затем долгое, в компании с уголовными, путешествие в глубь неведомой России. Феликс, легочный больной, задыхается в тесном, душном трюме парохода во время пути по Оке, Волге, Каме и Вятке к Нолинску. В ссылке он заработает трахому. Немало других испытаний ему выпадет.

На приговор Дзержинскому повлияла характеристика, присланная в Виленскую судебную палату жандармским полковником Шаншиловым:

«Как по своим взглядам, так и по своему поведению и характеру личность в будущем опасная».

Его осудили за «будущее»! Такой характер не мог не представлять угрозы для царского правительства. Он уже «несгибаемый» – по своему поведению. Однако двадцатилетний юноша ничем не успел навредить самодержавию. Опасность Дзержинского объяснялась тем, что правительство не имело никакой программы по снижению социальной напряженности в обществе. Рабочие на предприятиях трудились по 11–13 часов в сутки, не выполнялось даже тогдашнее трудовое законодательство.

Дзержинского приговорили к суровому, даже жестокому наказанию.

Этот юноша, вчерашний гимназист, отправляясь под конвоем в чуждую ему Россию, не мог не испытывать чувства одиночества, возможно, отчаяния. Он не успел обрести надежных соратников и учителей. Родные поддерживают его из сострадания, не разделяя его убеждений. А вдруг и новая, только что обретенная им вера окажется не истинной? На что тогда ему опереться в жизни?

Представить себя на месте Феликса Дзержинского трудно. Для этого надо иметь такую же, как у него, силу характера, что практически невозможно. Во всяком случае, он полон решимости пройти свой путь до конца. И биографы встают в тупик, пытаясь понять, когда он успел стать таким.

1 августа 1898 года на рассвете из ворот Ковенской тюрьмы выходит партия осужденных на ссылку и каторгу. Среди них Феликс Дзержинский. На прощание – маленькая радость. Он замечает у ворот верную Альдону.

«Мне пришлось ждать всю ночь у стен тюрьмы, – вспоминала Альдона Кояллович. – Вдруг раздался стук открываемых ворот, и вслед за этим послышался звон кандалов. Я очнулась, подошла к воротам, из которых в окружении жандармов медленно выходила партия заключенных. Среди них был и Феликс. Сердце мое сжалось, когда я увидела брата. Я заплакала. Я пыталась подойти к нему, но жандарм не разрешил, и я услышала несколько слов Феликса: „Успокойся, не плачь, видишь, я силен и напишу тебе“».

Можно представить, какой ужас испытывала аристократка Альдона, наблюдая своего брата в окружении закоренелых преступников. Родственники еще надеются, что Феликс избежит не такой экстремальный образ жизни. Но он в своих письмах не оставляет им надежды:

«Мне уже невозможно вернуться назад. Пределом моей борьбы может быть лишь могила».

Он едва ли год отдал этой борьбе. И уже не может вернуться? Ладно, впереди много соблазнов его ждет. Любовь. Счастье отцовства. Он любит детей. Альдона не перестает надеяться. А этот упрямец продолжает выискивать все новые «радости» в своей тусклой жизни.

«Ты называешь меня беднягой. Правда, я не могу сказать, что я доволен и счастлив. Но я гораздо счастливее тех, кто на „воле“ ведет бессмысленную жизнь. И если бы мне пришлось выбирать: тюрьма или жизнь на свободе без смысла, я избрал бы первое, иначе и существовать не стоило бы. Тюрьма страшна лишь для тех, кто слаб духом».

Феликс ужасает подобной бравадой свою добропорядочную, обремененную семейными заботами сестру, после смерти пани Хелены заменившую ему мать. Он счастливее тех, кто ведет бессмысленную жизнь на воле, – только ли ее он с такой настойчивостью в этом убеждает? А не себя ли в первую очередь? Сохранилось очень много писем Дзержинского, отправленных им из мест заключения. В них предстает «другой» Феликс – нежный, любящий детей, охотно рассуждающий на темы воспитания, лелеющий воспоминания о ранних годах, проведенных в Дзержинове, мечтающий о светлом будущем, когда в мире исчезнут злоба, насилие и люди смогут обнять друг друга. Он пишет так год за годом...

Кому же, как не любимой сестре, может он поведать то, что имел возможность хорошо обдумать во время длительного заточения? Через несколько лет Феликс отправит ей такие строки из Седлецкой тюрьмы:

«Альдона, ты помнишь, наверно, мое бешеное упрямство, когда я был ребенком? Только благодаря ему, а также благодаря тому, что меня не били, у меня есть сегодня силы бороться со злом, несмотря ни на что. Не бейте своих ребят. Пусть вас удержит от этого ваша любовь к ним, и помните, что хотя с розгой меньше забот при воспитании детей, когда они еще маленькие и беззащитные, но когда они подрастут, вы не дождетесь от них радости, любви, так как телесными наказаниями и чрезмерной строгостью вы искалечите их души. Ни разу нельзя их ударить, ибо ум и сердце ребенка настолько впечатлительны и восприимчивы, что даже всякая мелочь оставляет в них след. А если когда-нибудь случится, что из-за своего нетерпения, которое не сумеешь сдержать, накажешь их, крикнешь на них, ударишь, то непременно извинись потом перед ними, приласкай их, покажи им сейчас же, дай почувствовать их сердечкам твою материнскую любовь к ним, согрей их, дай им сама утешение в их боли и стыде, чтобы стереть все следы твоего раздражения, убийственного для них. Ведь мать воспитывает души своих маленьких детей, а не наоборот; поэтому помни, что они не могут понять тебя, так как они еще дети, – следовательно, никогда нельзя раздражаться при них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.